
СЕМАНТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО СЛОВЕСНОГО ЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А. Заварзина

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86а, Воронеж, Россия, 394611

Статья посвящена проблеме исследования специфики плана содержания современной русской общественно-политической лексики (ОПЛ). В работе рассматриваются особенности основной типологической характеристики политического словесного знака — идеологизированность и своеобразие ее отражения на уровне семантической структуры слова всех макрокомпонентов значения. Особое внимание уделяется описанию процессов семантико-стилистической нейтрализации в плане содержания политических лексических единиц современного русского языка и их основных направлений.

Ключевые слова: словесный знак, русский язык, семантическая структура.

Вопрос о семантике политического словесного знака русского языка третьего тысячелетия не получил достаточного освещения в научной лингвистической литературе, что объясняется новизной предмета исследования, а также сложностью его лексикографического отражения.

Как показывают исследования, основной типологической семантической особенностью политической лексики является идеологизированность. Под *идеологизированностью* (именуемой в научной литературе *классовой ориентированностью*, идеологической обусловленностью, идеологической связанностью и т.п.) понимается отражение в семантике словесных знаков идеологических установок носителей языка. Идеологизированность в плане содержания политических лексических единиц может проявляться, в социальных оценках, которые «производятся сознательно и целенаправленно привносятся в семантику языковых знаков в процессах номинации явлений и понятий общественно-политической жизни со стороны общественных классов, партии и социальных групп» [1. С. 35]; в политической полисемичности и полиэмотивности языковых единиц.

В отечественной научной литературе долгое время существовала точка зрения, согласно которой идеологическая полисемичность и полиэмоциональность обязательно обнаруживается только в языковых системах, обслуживающих идеологически неоднородные общественные коллективы. На наш взгляд, не следует преувеличивать эксплицитность идеологической многозначности и оценочности общественно-политических лексических единиц для языков антагонистических обществ. Как показывает, например, анализ толковых словарей немецкого и английского языков (Duden: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 8 Bd. / Hrsg und bearb vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarb der Dudenredaktion unter der Leitung von G. Drosdowski. — 1995. Garrer Bregan A.A. Dictionari of Modern Lehal Usage. — New York, 1990), полисемичность и полиэмоциональность не являются явно выраженными в семантике всех общественно-политических словесных знаков. Вместе с тем очевидно, что социальная организация общества во многом определяет эксплицитность (имплицитность) социально-классовой многозначности и полиэмоциональности рассматриваемой лексики.

Идеологизированность может проявляться также в «идеологическом прагматическом компоненте», представляющем такую часть семантики словесного знака, которая основана «не на всеобщих и вечных представлениях, а на искаженных, смешанных — на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме» [2. С. 68—69].

С нашей точки зрения, идеологизированный характер общественно-политических слов не предполагает существования в их семантике какого-либо особого, специального идеологического компонента. Любой компонент плана содержания общественно-политического словесного знака может оказаться идеологизированным, т.е. содержать так называемые идеологизированные семы. Наличие подобных сем определяется не особенностями отражаемых реалий, объективной внеязыковой или языковой действительностью, а теми или иными идеологическими установками носителей языка.

Безусловно, отмеченные выше формы проявления идеологизированности в семантике общественно-политических слов могут варьироваться.

Так, в дореволюционный период развития русской общественно-политической лексики основными формами проявления идеологизированности являлись политическая полисемичность и полиэмоциональность составляющих ее единиц.

Общественно-политическая лексика русского языка советской эпохи отличалась жесткой идеологизированностью, обусловленной подчиненностью плана содержания лексических единиц господствовавшей в обществе идеологии — марксизму-ленинизму. Подобная идеологизированность находила отражение в семантике политических слов и определяла их специфику на уровне различных составляющих плана содержания.

В плане содержания политических словесных знаков современного русского языка происходят процессы семантико-стилистической нейтрализации, представленные тремя основными направлениями: 1) нейтрализацией денотативного содержания политических словесных знаков; 2) нейтрализацией эмоционально-оценочного компонента семантики политических лексических единиц; 3) стилистической нейтрализацией слов. Данные процессы обусловлены в первую очередь снятием так называемых идеологических наслоений советского периода в семантике политических слов.

Как отмечают некоторые исследователи, в связи с деидеологизацией и департизацией всех общественных, политических и экономических структур идеологический прагматический компонент слова начинает отступать, давая место «когнитивному прагматическому компоненту», базирующемуся «на некоторых всеобщих знаниях о мире и непреложных истинах, которые со времени древнейшего синкретического восприятия мира группируются вокруг полюсов: добро/зло, свет/тьма, тепло/холод, порядок/хаос — и соответствующим образом воздействуют на сознание» [2. С. 69].

Разрушение семантических компонентов, обусловленных марксистско-ленинской идеологией, оказывает непосредственное влияние как на семантическую структуру слова в целом, так и на структуру отдельного значения. Особый интерес, на наш взгляд, представляют семантические изменения, происходящие в значении

отдельных лексико-семантических вариантов словесных единиц ОПЛ русского языка. Как показывают исследования, в настоящее время в денотативном компоненте значения общественно-политических лексических единиц утрачиваются семы, обусловленные господствовавшими в советскую эпоху идеологическими установками. Подобные семы могли содержать информацию о научности или ненаучности (например, *марксизм, геополитика, деидеологизация*), прогрессивности или реакционности тех или иных понятий (например, *космополитизм, монархизм, консерватизм, аполитичный*), о солидарности с марксизмом-ленинизмом или враждебности ему (например, *белоэмигрант, белый*) и т.п.

Семантические изменения на уровне **денотативного компонента значения** общественно-политических словесных знаков в настоящее время также могут быть связаны с явлением переориентации номинаций. В соответствии с данным явлением словесные знаки, обозначавшие ранее реалии и явления зарубежной или дореволюционной действительности, утрачивают соответствующие семы и осознаются вне географической или исторической прикрепленности стоящих за ними понятий. Переориентация номинаций может быть связана с разрушением идеологических наслоений советской эпохи. Например, в ряде слов переориентация связана с исчезновением идеологизированной денотативной семы 'типичное для капиталистического/буржуазного общества' (например, *абсентеизм, бастовать, безработица, беспартийный, бюрократизм, великодержавный, диверсия, коррупция*). Ср. также утрату идеологизированной денотативной семы 'дореволюционное' в словах *беспорядок, демонстрация* в значении «массовое уличное противоправительственное выступление»: *беспорядок* — до революции — «массовые народные волнения, являющиеся выражением протеста против власти эксплуататоров»; в настоящее время — «волнения в обществе, выражающие протест против властей»; *демонстрация* — до революции — «массовое уличное противоправительственное выступление»; в настоящее время — «массовое шествие для выражения общественно-политических настроений».

Следует отметить, что снятие идеологических наслоений в денотативном компоненте значения общественно-политических словесных знаков в некоторых случаях может приводить к его сужению. Подобные процессы касаются в основном тех слов, которые отражают реалии и категории советской эпохи. Ср.: *формация* — в марксистской теории — «исторически определенная ступень в развитии человеческого общества, характеризуется свойственным только ей способом производства и обусловленные этим способом социальными и политическими отношениями, юридическими нормами, учреждениями, идеологией (напр., феодализм, капитализм)»; *эксплуатация* — в марксистской теории — присвоение продуктов чужого труда собственниками средств производства; *бесклассовое общество* — в марксизме — «социальное устройство жизни, основанное на отсутствии классовых различий людей и рассматриваемое как высший этап общественного равенства».

Очевидно, что процессы нейтрализации, происходящие на рубеже XX—XXI вв. в семантике общественно-политических словесных знаков, касаются не только сущностных идеологизированных денотативных сем, но и потенциальных,

дополнительных. Ср., например, исчезновение вероятностной семы 'ориентированный на сокрытие политических убеждений' в слове *аполитизм*: 1) безразличное отношение к вопросам политики; 2) отсутствие политического влияния в той или иной сфере деятельности, отсутствие идейно-политического содержания, а также разрушение в настоящее время скрытой идеологизированной денотативной семы 'свойственный эксплуататорскому обществу' в словах *антикоммунизм*, *реакция*, *тоталитарный*, *забастовка*.

Как показал анализ лексикографических источников, процесс снятия идеологических наслоений в общественно-политической лексике русского языка начала XXI в. находит отражение не только в толкованиях общественно-политических словесных единиц, но и в иллюстративных частях словарных статей, дающих общие неидеологизированные примеры.

Семантические процессы в настоящее время проявляются также в эвфемизации современного политического языка, направленной на нейтрализацию истинного смысла прямых наименований, употребление которых нежелательно по политическим или этическим причинам. На современном этапе развития русского языка, безусловно, основное воздействие на политическую номинацию оказывают экстралингвистические факторы, связанные с изменением политических реалий. Вместе с тем существенное влияние на язык политики начала XXI в. оказали идеи так называемой политической корректности («коммуникативной (культурной) корректности» в терминологии Т.В. Киселевой; «языкового такта» — С.Г. Тер-Минасовой), которая «требуется убрать из языка все языковые единицы, задевающие чувства, достоинство индивидуума, ущемляющие его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п., вернее, найти для них нейтральные или положительные эвфемизмы [3. С. 216].

Наиболее часто политические эвфемистические обороты в современной речи и СМИ используются для обозначения:

— органов власти и их деятельности: *управляемая демократия* — вместо *правление в соответствии с интересами правящей элиты*: «Итак, *управляемая демократия* — это демократия (выборы, альтернативность, свобода слова и печати, сменяемость лидеров режима), но корректируемая правящим классом (точнее, обладающей властью частью этого класса). Это то, что есть у нас» («Независимая газета». 13.11.2000). Ср. также: *настройка правительства*, *настройка органов власти* вместо *снятие с ключевых постов тех или иных членов правительства*; *компетентные органы* вместо *федеральная служба контрразведки*; *применить санкции* вместо *привлечь к уголовной ответственности* или *лишить свободы* и др.;

— военных действий и их участников: *зачистка территорий* вместо *физическое уничтожение*: «Американцы, проведя *зачистку* Югославии и Афганистана, начали защищать Ирак. Это словечко, родившееся в реалиях чеченской кампании, которую вела Россия, наилучшим образом характеризует происходящее» («Российская газета». 03.04.2003). Ср. также: *непримиримая оппозиция* сначала

в отношении афганских бандформирований, а позже и по отношению к чеченским боевикам; *вооруженные бандформирования*, *незаконные вооруженные бандформирования* вместо *боевики*, *бандиты*; *полевые командиры* вместо *предводители бандитских формирований*; *нетрадиционные формы ведения войны* вместо *полное уничтожение*; *этническая чистка* вместо *уничтожение лиц, не принадлежащих к преобладающей в районе национальности*; *миротворческая операция*, *военная операция по разоружению*, *чеченская кампания* вместо *война*; *пойти на крайние меры* вместо *вести войска* и др.;

— экономических методов и их последователей: *финансовая пирамида* вместо *финансовая афера*: «Крушение пирамиды ГКО и крах многих коммерческих банков, которые также пытались построить свои собственные *финансовые пирамиды*, оказались болезненным, но в целом позитивным фактом для российской экономики» («Российская газета». 01.02.2001); *налоговая оптимизация* вместо *неуплата налогов*: «...Обновленная компания сразу избавляется от грехов молодости (залоговые аукционы, притеснение миноритарных акционеров, мутные налоговые оптимизации и пр.), то есть подстраховывается от национализаций и прочих „наездов“ со стороны государства» («Московский комсомолец». 23.04.2003). Ср. также: *освобождение цен*, *упорядочение цен*, *свободные цены* вместо *рост цен*, *более высокие цены*; *пойти на непопулярные меры* вместо *сократить расходы на социальные нужды*; *капитаны российского бизнеса* вместо *олигархи* (см.: Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. — М., 2003);

— различных национальных и социальных групп и отношений между ними: *гастролеры из кавказского региона* — о преступных группах с Кавказа; *лица без определенного места жительства* вместо *бродяга*; *афророссиянин* вместо *негр*; *малообеспеченное население*, *социально незащищенные слои населения*, *простые люди* вместо *бедные* и др.;

— явлений внешнеполитического характера: *однополярный мир* вместо *диктат США*, *асимметричный ответ* вместо *приведение ракет в боеготовность*; *ось добра* вместо *военное решение иракского вопроса* и др.).

Очевидно, что основными источниками современных политических эвфемизмов являются:

— иноязычные слова, устанавливающие позитивные или нейтральные коннотации, которыми не обладает исконная лексика (ср.: *конфронтация* — «противостояние, иногда с применением оружия», *деструктивный* — «разрушительный»; *импичмент* вместо «отставка правительства»; *либерализация цен* — «рост цен»; *дефолт* вместо «кризис»; *сепаратист* вместо «наемник»; *страны-парии* вместо «изгои» и др.);

— общеизвестные лексемы, в настоящее время переосмысленные и наполненные новым содержанием (например, *контрреволюционная операция* вместо «война»). Ср. также: разрушение в современном значении слова «контрреволюционный» идеологизированных семантических компонентов: «...реакционный, отстаивающий интересы эксплуататорских классов...»; также *чеченская оппозиция* вместо «боевики», «бандиты»; исчезновение в плане содержания слова «оппози-

ция» прежних идеологизированных сем 'в буржуазных государствах', 'оппортунистическая антиленинская деятельность' и др.;

— аббревиатуры (например: ОРЧ — оперативно-розыскная часть, ОПГ — организованная преступная группировка; ФСО — федеральная служба охраны, ранее «девятка», т.е. девятое управление КГБ СССР; ПТП — прослушивание телефонных разговоров);

— слова с «диффузной» семантикой (например: *известные результаты* вместо «плохие»; *соответствующие органы, определенные меры* — номинации с достаточно общим смыслом, используемые для обозначения конкретных предметов и понятий (ср.: *акция, операция, задание* и др.)).

Многие из отмеченных эвфемистических оборотов являются психологически более приемлемыми и корректными в современном российском обществе по сравнению с прямыми наименованиями. Однако в некоторых случаях в СМИ могут создаваться, на наш взгляд, не совсем удачные политические номинанты, среди которых можно назвать отдельные пейоративные наименования, ложно интерпретирующие смысл некоторых понятий или явлений (ср.: *лица армянской национальности* вместо «армяне», *лица узбекской национальности* вместо «узбеки» и даже *лица кавказской национальности* — о выходцах с Кавказа и иногда для характеристики бандитов, мошенников, нелегалов, криминальных элементов; *угроза ислама* вместо «угроза экстремизма или терроризма»), а также эвфемистические обозначения, делающие речь неточной и приблизительной в смысловом отношении (например, употребление в неопределенном значении прилагательных «известный», «определенный», «отдельный» и др.).

Процессы нейтрализации на уровне **эмотивного, или эмоционально-оценочного, компонента значения** связаны с исчезновением в плане содержания некоторых общественно-политических терминов положительных или отрицательных оценочных сем, обусловленных господствовавшей ранее марксистско-ленинской идеологией. Названные изменения, как правило, определяются сдвигами в денотативном содержании.

Так, на рубеже XX—XXI вв. в эмотивном компоненте значения словесных знаков, обозначавших негативные с марксистско-ленинской точки зрения понятия, исчезают семы отрицательной эмоциональной оценки. Это подтверждается материалами современных словарей, в которых исчезают указания прежней яркой эмотивности, содержащейся в дефинициях, иллюстративных примерах и стилистических пометах. Примерами лексических единиц, получивших в новейший период развития русского языка нейтральные эмотивные семы, могут служить следующие: *деидеологизация, либерализм, монархизм, аполитичный, капитализм, дворянство* и др. Несомненно, изменения в эмотивном компоненте значения приведенных выше словарных единиц связаны со снятием идеологизированных денотативных сем 'основанный на эксплуатации', 'служащий интересам господствующих классов', а также сем, содержащих информацию о ненаучности или реакционности понятий с марксистско-ленинской точки зрения.

В эмотивном компоненте значения слов, обозначавших ранее положительно оценивавшиеся марксистско-ленинской идеологией понятия, также может происходить замена сем положительной оценки на нейтральные. Ср. снятие идео-

логизированных положительных оценочных сем в словах *комсомол, революционер, ленинец, коллективизм, коммунист, партия*², *демократический централизм, социалистический* (в современном употреблении имеют оценку *неодобр.*). Подобные изменения связаны со снятием идеологизированных денотативных сем 'научный', 'передовой', 'сознательный', 'последовательно революционный', 'верный марксистско-ленинским принципам' и т.п.

Процессы **стилистической нейтрализации** касаются прежде всего функционально-стилистических и экспрессивно-стилистических семантических компонентов плана содержания общественно-политических словесных знаков современного периода.

Функционально-стилистические изменения общественно-политических словесных знаков русского языка в настоящее время проявляются в утрате ими семантических компонентов 'книжное', 'специальное' и 'терминологическое' и приобретение ими компонента 'межстилевое'. Отмеченный процесс связан прежде всего с увеличением частотности единиц ОПЛ русского языка, ранее функционировавших в ограниченных коммуникативных сферах и использовавшихся преимущественно образованными слоями общества. Подобные изменения в настоящее время касаются таких общественно-политических терминов, как «путч», «плюрализм», «администрировать», «приватизация», «электорат», «авторитаризм», «легитимность» и др.

Как отмечается в научной литературе, в начале XXI в. достаточно активным является процесс деполитизации некоторых общественно-политических словесных знаков. При этом ОПЛ начинает использоваться в разговорной речи в контекстах, далеких от политики. Например, слово «плюрализм» может обозначать множественность мнений по любому вопросу, «конфронтация» — раздоры, ссоры, «диктатура» — насилие, подавление чужой воли, «консенсус» — согласие (в семье, в коллективе, в очереди и т.п.).

Трансформации в функционально-стилистических семах общественно-политических словесных знаков русского языка современного периода могут проявляться в сужении сферы использования лексических единиц. Так, в настоящее время «товарищ» как форма обращения к взрослому человеку сохраняется только в определенной среде, а именно у военных и в сфере общения представителей коммунистической партии (КПРФ); обращение «гражданин» — в официальной (чаще всего судебной) сфере. Свидетельством отмеченного факта является употребление приведенных словесных единиц только в сфере марксистской теории, а также соответствующее указание в современных лексикографических дефинициях. Ср.: класс — *в марксизме* классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают (Ленин); эксплуататор — *в марксистской теории* — собственник средств производства, присваивающий продукты чужого труда. Параллельно с нейтрализацией книжных слов идет процесс вхожде-

ния в общеупотребительный словарь разговорных и просторечных элементов (ср. *отказник, аппаратчик, невозвращенец, подписант, назначенец, кормушка* в значении «место во властных структурах как источник личной выгоды»).

Изменения *экспрессивно-стилистических* характеристик слов могут быть связаны с разрушением семы 'высокое' или 'сниженное'. Ср.: гегемон *высок*. — о рабочем классе как руководящем, основном в советском обществе; в современном употреблении *ирон.*; Октябрь — *высок*. — Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.; в настоящее время — революционный переворот, совершенный в России в октябре 1917 г.; неприсоединившееся государство *офици.* — государство, придерживающееся политики неприсоединения; в настоящее время — государство, придерживающееся политики неприсоединения.

Рассмотренные выше процессы, связанные с исчезновением в значениях политических словесных знаков «идеологических наслоений» советского времени, характерны для общенародного русского языка в целом и получают отражение в новейших лексикографических изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Солганик Г.Я.* Лексика газеты. — М.: Высшая школа, 1981.
- [2] *Скляревская Г.Н.* Прагматика и лексикография // *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: Сб. статей.* — М.: Институт русского языка РАН, 1995.
- [3] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.

SEMANTICS OF A POLITICAL WORD UNIT IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

G.A. Zavarzina

Russian Language Faculty
Voronezh State Pedagogical University
Lenin str., 86a, Voronezh, Russia, 394611

The article deals with the problem of modern Russian social and political vocabulary specificity. The peculiarities of basic typological characteristics of a political word unit, i.e. ideological abuse, and originality of its reflection on the level of a word semantic structure and all semantic macro components of the meaning are observed in the paper. Special attention is paid to the description of semantic and stylistic neutralization processes in the meaning of political lexical units in modern Russian and their mainstreams.

Key words: word unit, semantic structure, russian language.